

Дмитрий Филиппенко родился 7 декабря 1983 года в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Окончил Сибирский государственный индустриальный университет. Работает горным мастером на шахте. Публиковался в журналах: «Огни Кузбасса», «Наш современник» (Москва), «Юность» (Москва), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Нева» (Санкт-Петербург), «Алтай» (Барнаул), «Енисей» (Красноярск), «Бельские просторы» (Уфа), «Сура» (Пенза) и др.. Главный редактор литературных альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Член Союза писателей России. Живет в Ленинске-Кузнецком.

Дмитрий Филиппенко г. Ленинск-Кузнецкий

Не надыхаться перед казнью
Когда тебе семнадцать лет.
Ещё ты не оставил след.
И вот уже пришёл на праздник.
Где раздаются кандалы
В подарок – в случае осечки,
И ты готов сплясать от печки
Когда покаются стволы.
И ты доволен пустотой,
И тишиной в душе доволен.
Когда палач серьёзно болен
Приходит время запятой.
Но всё равно приходит смерть
Сибирским утром, в виде пули,
И запятые все уснули,
Им больше не на что смотреть.

Защитная реакция на страх
Писать стихи по вторникам и средам,
Врываться в сон на диких парусах,
И вышивать тоску в порядке бреда.

Бояться выжать старости лимон,
И выживать на скорость и на время.
В пике и в тупике мой марафон.
Стихи плету я, финиш теорема.

Мои частицы вяжет поцелуй,
Пересекая точку невозврата.
От страха хоть рифмуй, хоть не рифмуй,
Но все равно разделишься на атом.

Вокруг меня...

Вокруг меня поэзия и проза,
Любимые и верные друзья,
Маслины на столе, икра, фунчоза,
Коньяк, вино – без них никак нельзя.

Высокий тост, огонь рукопожатий,
Зелёный ветер полусонных слов,
Солёные стихи всегда и кстати,
А ночью – тишина застольных снов.

В золе

Опять ищу друзей в золе
И сбрызгиваю водкой.
У каждого – свой мавзолей,
И есть своя высотка.

Слабеет пепел на руках
И путается с пылью.
И мыслей чёрная мука
Становится ванилью.

Ни карт, ни денег – только ствол.
Эмоции инертны.
По телу стелется ментол.
Мои друзья бессмертны.

В Данию

Не пустили болельщиков в Данию –
И задели российскую честь.
Но зато нас пускают в Агдамию,
В Бухаре наши граждане есть.

Испугались дюймовочки русичей,
Что болелы датчан заразят.
Если Гамлет становится пусечкой,
Значит, в людях слабеет азарт.

Задыхаясь пустыми трибунами,
Навсегда замолчит стадион.
До какой бесконечности будем мы
Продолжать этот мёртвый сезон?..

Проживаю

Я проживаю жизнь одну
И множество других.
Под землю словно в тишину
Спускаюсь, и круги
Наматываю, и верчу
Палеозойский хлеб,

И странные стихи ворчу
В сиротской похвальбе.
Я засыпаю. Наяву –
Лунатики проблем.
Я жизнь свою переплыву
На белом корабле.
Я проживаю жизнь одну –
И множество других.
Но перед смертью не моргну,
А вымолвлю ей стих.

Помогите!

Помогите! Помогите!
Умирает наш футбол!
Кто-то сжѐг предохранитель,
И случился произвол.

Все заслуженные стали:
Слава, деньги и почѐт...
Только это всё детали.
Богатеет лысый чѐрт.

Черепахи на арене,
Футболистов не найти.
Нам такой не нужен тренер,
Весь космический внутри.

Кабы не было ютуба
Во советской стороне,
Никогда б Артемий Дзюба
Не махал рукой стране...

Когда я вечерами водку пил
И брал на опохмел две банки пива,
В моей душе капризничал тротил
И жаждал поджелудочного взрыва.

Превышен градус – и взрывной волной
Отбросило меня во тьму больницы.
Я оказался за двойной сплошной.
Там тишина и ничего снится.

Колочий свет царапал мне глаза...
Очнулся я, и жизни острый запах
Почувствовал. И дочери слеза
Катилась: «С возвращением, папа!»

Ты захотела перейти на «вы»,
Как будто благородная девица.
На теле у тебя простые швы,
И в дорогие им не превратиться.

Ты хочешь на Рублёвке светлый дом,
Большую яхту, виллу на Майями,
Но ты не чистишь зубы перед сном
И рыбу ешь обычными руками.

Ты хочешь выйти замуж к тридцати,
Желательно за мудрого француза,
Потом в могилу старика свести
И представлять в постели Тома Круза.

Ты захотела перейти на «вы»
И львицей стать изысканною светской.
Стоишь с улыбкою надменно-дерзкой –
Но стороной тебя обходят львы.

Декоративные дети
Тянутся к солнцу порой.
Многоэтажные клетки
Прячут их за мишурой.

Узники новой эпохи...
Не интересен Жюль Верн,
Но – греет души Милохин,
Мямлит в сердцах Монгерштерн.

Времени я пограничник,
Новых людей не пойму.
Декоративный опричник,
Я поклоняюсь Му-му.

Лезвие

Негаданно, неожиданно и хрипя,
По лезвию я полз в горячей пыли.
Я провожал и хоронил ребят,
Они со мною рядом жили-были.

Теперь их нет, и кто же виноват –
История, чиновники, эпоха?
Когда коньяк тебе и брат, и сват,
То рано или поздно будешь охать.

Простите, что не переспорил вас.
Остыла пыль, и лезвие остыло.
Но выдыхаю пепел каждый раз,
Когда мне снится каждого могила.